

Латынина Ю.Л.

СИНГАПУР; THE *BRAVE FUTURE* WORLD

Так уж получилось, что на Земле вдоль экватора располагаются социальные помойки. Папуа Новая Гвинея, Эквадор, Конго, Судан, Гаити, Карибы, Ямайка, дельта Амазонки, Маршаллы и Соломоновы острова, и пр., и пр., — все это какой-то паноптикум лениности, коррупции, и политиков-демагогов, покупающих своих избирателей за мешок с рисом и объясняющих все беды страны происками проклятых колонизаторов. Бывший премьер-министр Малайзии Махатхир даже выдвинул на этот счет специальную теорию. Малайцы, по его словам, ленивы. А ленивы они потому, что вокруг и так всё растет.

И вот ты прилетаешь в крошечный Сингапур, который отделен от «ленивой» Малайзии проливом шириной в километр, и попадаешь в страну, которая занимает третье в мире место (рейтинг *IMF*) по уровню ВВП на душу населения, первое в мире по легкости ведения бизнеса (рейтинг *World Bank*), и делит вместе с Данией и Новой Зеландией первое место по отсутствию коррупции (рейтинг *Transparency International*).

Ты едешь по улицам, которые называются «улица Китченера», «улица Напьера». Их почему-то не переименовали в улицу Ким Чен Ира и улицу председателя Мао. И первый же таксист-малаец, который везет тебя из аэропорта, не говорит «они нас обидели». Он говорит: «мы — страна первого мира».

Я с таксистом не согласна. **Первый мир — отдыхает.** К тому же, Сингапур неправильно было бы назвать «страной». Это такой город/государство/корпорация. *City/State/Corporation*.

ТРАНСНАЦИОНАЛЬНАЯ ЗЕЛЕНЬ

Первое, что ты видишь в Сингапуре — это зелень. Есть города, в которых расположены парки. А Сингапур — это парк, в котором расположен город. Более зеленого города (причем везде, в любом районе, в Сингапуре нет не зеленых районов, так же как нет трущоб или гетто), я в жизни не видела, ему уступает даже великолепный, божественный Сантьяго-де-Чили, в котором широкие проспекты между небоскребами тоже залиты зеленью.

Зелень — и чистота. Единственный, кто мусорит в Сингапуре — это деревья, их так много, что город с чудовищным популяционным давлением воспринимается как экваториальный заказник. И это настолько органично, что кажется — так было всегда. Экватор всё-таки.

На самом деле экосистема города/государства/корпорации Сингапур абсолютно искусственна. Экваториальные дождевые леса — весьма неустойчивая экосистема. Если такой лес вырубят, вода тут же вымывает из почвы питательные вещества, а реки превращаются в сточные каналы. В начале XX века в перенаселенном колониальном Сингапуре всё вытаптывалось людьми, съедалось коровами, а река Сингапур была сточной клоакой, которую можно было унюхать раньше, чем увидеть.

Чтобы превратить Сингапур в парк, пришлось посадить миллионы деревьев и кустарников. Специальные команды, разосланные по всему миру, привезли отовсюду 8 тыс. разновидностей растений, и 2 тыс. из них принялись в Сингапуре. Закислившиеся почвы известковали и удобряли. **С берегов реки Сингапур отселили 900 тыс, свиней, которых разводили на 8 тыс, ферм.**

Теперь в Сингапуре есть только одно место, где прямо-таки несёт дерьмом. В Сингапуре есть третий по величине в мире нефтехимический комплекс. Он находится на острове *Jurong Island*, сделанном из соединенных между собой искусственными насыпями семи островов. А прямо напротив ректификационных установок и разгружающихся танкеров расположен уникальный *Birdpark* с уникальными коллекциями птиц и самым высоким в мире искусственным водопадом. И вот в этом птичьем парке от розовых фламинго и прочих обитателей воняет так, что мама не горюй.

То же самое и с чистотой. 80 % населения Сингапура были китайцы, а у китайцев есть привычка, такая же древняя, как «Книга Перемен», — плевать под ноги. В материковом Китае в ресторанах до сих пор стоят плевательницы с многомесячным содержимым.

И зелень и чистота были внедрены в Сингапуре драконовскими мерами. Двадцать лет на каждом перекрестке стоял полицейский и штрафовал тех, кто плюнул. Коров, пасшихся в городе, сдавали на бойню. (В 1964 году они паслись под окном премьерского кабинета.) Запретили тысячелетнюю китайскую привычку — фейерверки, запретили столетнюю американскую привычку — жвачку. После двадцати лет плевать перестали.

История создания города-парка из заплеванной помойки мне кажется совершенно символической по двум причинам. Во-первых, огромное количество стран очень любит сохранять свои экосистемы. Самый простой пример — Австралия. Там в аэропорту тебя обнюхивает специальная собака на предмет того, не привез ли ты в Австралию чужое яблоко. Премьер Сингапура Ли Куан Ю действовал наоборот: *он привозил деревья, как инвесторов, со всего мира. Он не сохранял экосистему. Он создавал ее.*

Во-вторых, великий руководитель всегда внимателен к деталям. Плохой руководитель внимателен только к деталям. Он будет ходить по улицам проверять, чтобы не плевали, а за его спиной будут красть миллионы. А вот великий руководитель внимателен и к деталям. Он будет истреблять коррупцию железной рукой, но отучить людей плевать на улицах он тоже не забудет.

МЕМУАРЫ

Современный Сингапур создали премьер Сингапура Ли Куан Ю и его команда. Ли Куан Ю написал потрясающие и совершенно политически некорректные мемуары, которые я всем рекомендую прочесть. И для тех, кто этих мемуаров не читал, я отмечу несколько политически некорректных вещей. В своих мемуарах Ли Куан Ю пишет, что он — большой поклонник насилия, *a great believer in violence*. Так получилось, что Ли Куан Ю, который получил английское образование и на английском говорил долгое время лучше, чем на китайском, японскую оккупацию пережил в Сингапуре. Ли Куан Ю пишет, что именно японская оккупация убедила его в эффективности насилия: нищета в Сингапуре была абсолютная, но преступность была почти на нуле, потому что японцы по любому поводу расстреливали на месте.

Напомню, что в Сингапуре до сих пор смертная казнь за провоз наркотиков: иначе этот торговый хаб превратился бы в рассадник наркомании. И что в Сингапуре до сих пор существуют телесные наказания. В 1993 году в Сингапуре приговорили к шести ударам палками американского гражданина, и американская пресса орала как резаная.

Ли Куан Ю не раз с презрением отзывался о суде присяжных. Опять-таки на основе собственного опыта. Еще когда Сингапур был английской колонией, Ли Куан Ю, которого тогда гораздо чаще звали Гарри Ли (у всех сингапурских китайцев два имени, одно английское, перед фамилией, другое китайское, после фамилии), добился от присяжных оправдания четырех подонков, убивших в ходе расовых беспорядков английского офицера, и сделал вывод, что двенадцать неграмотных обывателей легко становятся добычей ловкого адвоката.

Ли Куан Ю много раз с большим скепсисом отзывается о всеобщем избирательном праве. Он с восхищением пишет о Гонконге, где люди не имеют социальной страховки и потому добиваются большего. Будучи выборным политиком, — сетует Ли Куан Ю, — он не имел такой свободы, как колониальная администрация, не подотчетная избирателю. Ли Куан Ю заявляет, что идеальной системой была бы та, которая предоставляла бы ответственным людям — главам семей — пропорционально большее количество голосов.

И вот такой человек пришел к власти в Сингапуре в результате демократических выборов в 1959-м, во главе социалистической партии, которая называлась *People's Action Party* и которая первоначально блокировалась с коммунистами, а потом стала их злейшим врагом.

Он победил в тяжелейшей политической борьбе. Достаточно сказать, что ему, англоязычному китайцу, приходилось митинговать на китайском, который он знал куда хуже, чем неграмотные коммунисты. Поэтому Ли Куан Ю выучил мандарин. А так как большинство китайцев в Сингапуре говорило не на мандарине, а на хоккиен, ему пришлось выучить и хоккиен, причем

так, чтобы перекрикивать коммунистов. А так как кроме китайцев, в Сингапуре были еще и малайцы, то пришлось выучить и малайский.

Ли Куан Ю стал премьером, когда Сингапур еще был частью Малайзии, а в 1965 г. случилась абсолютная катастрофа: Сингапур вышел из состава Малайзии ввиду непреодолимых национальных противоречий. Политика Малайзии всегда имела значительную долю национальной нетерпимости; сейчас эта национальная нетерпимость всё более переходит в религиозную.

Выжить было нельзя

В 1965 г. перед Сингапуром стояли две основные проблемы. Первая - физическое выживание государства. Сингапур - это не Карибы, где США никого не станут захватывать и никому не позволят это сделать. Сингапур — это Юго-Восточная Азия, где в середине 60-х не было иного регулятора, кроме силы. Это крошечный остров, без ресурсов, без защиты, в котором англичане сделали свой хаб именно потому, что он был остров, а Великобритания была морская империя, и стенами этой империи были борта ее кораблей.

Как только англичане ушли, островное положение Сингапура из преимущества превратилось в колоссальную слабость. Достаточно сказать, что у Сингапура не было даже питьевой воды. Ее импортировали по водопроводу из Малайзии, и Малайзия, чуть что, перекрывала Сингапуру кран, как Россия — Украине. Сингапур импортировал воду, очищал ее... и экспортировал обратно, в Малайзию.

Как только Сингапур вышел из состава Малайзии, он потерял свою роль административного, делового и военного центра Юго-Восточной Азии. Британия покинула Сингапур. Малайзия закрыла для него рынок. Индонезия фактически объявила ему войну.

То есть первой задачей Ли Куан Ю было сделать так, чтобы Сингапур было невыгодно и невозможно завоевать.

Вторая проблема была — коммунисты. Сингапур был китайским и нищим. Только в начале XX века в Сингапуре было 20 тыс. рикш, исполнявших обязанность тяглового скота.

Это было время расцвета китайского коммунизма. Китай председателя Мао в этот момент воспринимался в Азии как символ достижений желтой расы. Китайский коммунизм был максимально эффективен в том, что касалось насилия и лжи. Даже сталинский Коминтерн не идет ни в какое сравнение с пропагандистско-диверсионной машиной Мао.

В своих мемуарах г-н Ли рассказывает одну замечательную деталь: Ли Куан Ю сначала очень нравилось, как коммунистическая толпа спонтанно хлопает оратору. А потом он заметил, что толпа хлопает не спонтанно. Что в ней есть особые люди, которые подают сигналы. И что в свободное от митингов время эти люди вместе с подручными собираются в лесу и отрабатывают приемы хлопанья по сигналу.

Казалось, нищий Сингапур, переполненный кули и чернорабочими, раздираемый расовыми противоречиями, Сингапур, откуда ушли англичане, забрав с собой правящую элиту и уничтожив рабочие места, — экваториальный перенаселённый остров с клоакой вместо речки и коровами, пасшимися под окном премьерского кабинета, был обречен. Либо на

коммунистический переворот, либо на завоевание Малайзией или Индонезией, расположенными соответственно в 1 и в 20 км от Сингапура, (через Джохорский и Сингапурский пролив).

Что сделал Ли Куан Ю? В общем-то — с поправкой на эпоху — то же самое, что Фридрих Великий и другие монархи времен просвещенного абсолютизма.

Транснациональные корпорации

Ли Куан Ю пригласил в страну транснациональные корпорации. В то время, когда все вожди развивающихся стран и политически корректные экономисты рассказывали, что транснациональные корпорации являются эксплуататорами, вытягивающими из стран «третьего мира» последние ресурсы, сингапурская *Economic Development Board* обивала пороги всех транснациональных корпораций.

Первыми — в конце 1968-м — они буквально заманили в страну *Texas Instruments*. За ним пришел его главный конкурент, *National Semiconductor*. За ним — *Hewlett-Packard*. К 1980-м Сингапур был уже одним из главных экспортеров электроники. К 1997-му около 200 американских компаний вложили в Сингапур 19 млрд. дол. К 1990-м Сингапур стал третьим в мире центром нефтепереработки после Хьюстона и Роттердама. К началу XXI века он стал крупнейшим финансовым хабом Юго-Восточной Азии. За сорок лет правления Ли Куан Ю ВВП на душу населения увеличился в 40 раз. Для сравнения: в золотой век роста США, с 1850-го по 1900-й, ВВП США на душу населения увеличился в 13 раз.

Присутствие транснациональных корпораций не только обеспечивало безопасность страны (понятно, что Сингапур с начинкой из 200 американских компаний, сожрать опасней, чем Сингапур без такой начинки), но и ограничивало власть ее руководства. Это очень важный момент: инвестора, в отличие от избирателя, не обманешь. Когда диктаторы освободившихся колоний пугали свой народ рассказами про страшные транснациональные корпорации, переводилось это так: мы не хотим быть связанными мировой экономикой, а уж вас, избиратели, мы как-нибудь сможем обмануть. Ли Куан Ю мог сажать оппозицию, но пальцем не трогал инвесторов.

Образование

Ли Куан Ю с самого начала уделял огромное внимание образованию. Правительство оплачивало лучшим студентам образование за рубежом в обмен на последующую работу в правительстве. При этом зарплата, которую получает правительственный чиновник, аналогична зарплате, которую он получает на схожем по ответственности посту в коммерческой корпорации.

В Сингапуре, где 80 % населения составляли китайцы, все говорят на английском. Всё высшее образование — только на английском. Недавние нейролингвистические исследования показали, что мозг сингапурца в языковом отношении работает принципиально по-другому, чем мозг любого другого обитателя Земли. Везде родной язык хранится в правом полушарии, а второй, выученный, — в левом. У сингапурских китайцев английское и китайское слово, обозначающее, к примеру, «ложка», хранятся не только в

одном и том же (правом) полушарии, но и записаны в одном и том же нейроне. Ли Куан Ю сумел полностью навязать стране чужой язык.

Сейчас образование в Сингапуре — одно из лучших в мире. Уровень математических успехов школьников самый высокий в мире и выше даже Китая, не говоря уже о США, однако правительство по-прежнему посылает лучших в *MIT* и Гарвард.

Такая образовательная политика имела два побочных эффекта: во-первых, она фактически обескровила частный бизнес в Сингапуре. Сингапурские госкорпорации успешней многих транснациональных, однако частных миллиардеров в Сингапуре почти нет, если не считать строительства и финансов. (Как правило, эти миллиардеры в школе не очень успевали.) Весь Сингапур является государством-корпорацией.

Второй побочный эффект заключался в том, что такая политика обескровила оппозицию. Она лишила ее и мозгов, и потенциальных источников финансирования.

Третий побочный эффект такой политики упоминают реже всего, но он мне кажется самым важным. Дело в том, что, как вы уже, наверное, заметили, в Сингапуре не очень хорошо с демократией.

То есть положение с демократией лучше всего живописует рейтинг *The World Audit on corruption, democracy and freedom of press*, который дает Сингапuru 1-е место в мире по отсутствию коррупции, 69-е — по демократии, и 111-е — по свободе слова.

Так вот: пример Сингапура показывает, что лучшим ограничителем для авторитарной власти является не свобода слова и даже не свобода выборов, а уровень образования и уровень присутствия иностранного капитала. Благодаря английскому и уровню образования сингапурец может уехать учиться и работать куда угодно. По уровню *brain drain* в Сингапуре невысок: куда чаще можно встретить австрийского банкира или немецкого биолога, приехавшего работать в Сингапур, чем сингапурца, уехавшего в Австрию или Германию.

Ray and Ray, или Государство-корпорация с избирателями-собственниками

Ли Куан Ю, с абсолютным азиатским прагматизмом, никогда не верил в *welfare*. «Способности людей неравны, — напоминает он в своих мемуарах, — когда государство берет на себя те обязанности, которые должен нести глава семьи, упорство людей слабнет. Благосостояние ведет к утрате опоры на собственные силы. Люди перестают работать на благо своей семьи. Образом жизни становятся бесплатные поблажки».

Поэтому в 1960-х, когда провал европейской модели государства всеобщего благосостояния еще не был очевиден, Ли Куан Ю создал принципиально иную модель.

В Сингапуре сейчас безработица составляет 2 % от населения. Безработицы нет, потому что нет пособия по безработице. Зато есть *CPF* — *Central Provident Fund* — это частный пенсионный счет работающего, отчисления в который первоначально составляли 10 % от заработной платы (5 % платил работник, и 5 % — работодатель), а сейчас составляют 40 %.

Под эти личные деньги можно взять кредит и использовать их на покупку дешевого жилья, построенного государством. *Первое, что сделал Ли*

Куан Ю, — он сделал избирателей собственниками жилья, но за это жилье они платили. Эти деньги могут быть использованы на лечение. С 1978 г. эти деньги могут быть инвестированы в акции сингапурских компаний.

Почти 80 % сингапурцев живут в домах, которые выстроены государством, но куплены за их собственные деньги. Одна из самых удивительных особенностей Сингапура заключается в том, что внешне эти дома не всегда можно отличить от роскошных кондоминиумов (внутри, разумеется, разница колоссальная). Разница только одна: частный дом всегда огражден забором, государственный всегда без забора.

У идеи сделать из человека собственника была и другая, чисто политическая сторона. В 1960-х государственные дома покупали очень бедные люди. Некоторые из них даже забирали с собой своих кур и свиней. О том, чтобы, например, эти люди купили телевизор, и речи не было: телевизор был роскошью, его смотрели всем кварталом.

И вот при каждом квартале создавалась *People's Association*, которая обеспечивала разные социальные блага: тот же телевизор на весь квартал. И, конечно, эти первички и домкомы не состояли в *People's Action Party*. Но их члены состояли. И благодаря наличию этих домкомов и первичек народ, живущий в многоквартирных домах, очень охотно голосовал за *PAP*.

С течением времени телевизоры появились у всех, пришлось перестраиваться. Одной из форм вовлечения избирателей стало, несомненно, владение акциями, которые тоже можно оплатить из своей доли в *CPF*. В 1993-м, при *IPO Singapore Telecom*, его акции купили 90 % сингапурцев. Акции продавались с дисконтом, по специальной схеме «народного IPO», вышло не очень удачно: компания оказалась переоценена, цена акций пошла вниз, те, кто купил с дисконтом, нельзя сказать, чтобы потеряли, но и не выиграли.

Возможно, поэтому государство отложило планы акционирования сначала Сингапурского морского порта, а потом и Сингапурских авиалиний. А акции выходящих на биржу компаний покупались уже по рыночной цене. Большинство их, такие, как *Keppel* (бывшие английские военные верфи, которые сейчас являются первой в мире компанией по строительству морских буровых установок) или *Singapore Technology Engineering* (госкомпания, которая первоначально производила патроны для сингапурской армии, а теперь занимается высокотехнологичной оборонкой), были потрясающе прибыльны.

Благодаря системе *CPF* Ли Куан Ю превратил инструмент социальной страховки в инструмент создания собственника. Ли Куан Ю пытался создать из государства — корпорацию, а из избирателя — акционера. Первое, впрочем, удалось лучше второго. А остряки стали расшифровывать *PAP* — как *Pay and Pay*.

Борьба с преступностью и коррупцией

Никакого экономического роста в Сингапуре не было бы, если бы государство не искоренило беспощадно преступность и коррупцию.

При британцах Сингапур был весьма коррумпирован. Местные полицейские-китайцы обкладывали данью лавочки и делились со своими английскими начальниками. Бизнес платил триадам, которых полиция старалась не замечать.

Преступность в Сингапуре была ликвидирована без всяких судов присяжных: согласно *Internal Security Act*, для того, чтобы без суда и следствия посадить члена триады, достаточно было трех свидетелей. Эти свидетели были анонимны для публики, но не для власти. Без суда можно было держать человека за решеткой два года, после чего специальная *advisory board*¹ рассматривала вопрос, выпустить его или оставить на следующие два года. Никаким другим путем с триадами совладать было нельзя: в любом суде против них отказались бы свидетельствовать. Такая же процедура использовалась против коммунистов, а сейчас — против исламских террористов.

Так же беспощадно боролись и с коррупцией, причем первым примером был сам Ли Куан Ю, который расправлялся с любым из своих соратников, заподозренных во взятке.

Сейчас Сингапур — это единственная страна в мире, где маленький чиновник может украсть больше большого. Самая крупная кража в истории Сингапура случилась в 2004 году, когда выяснилось, что один из менеджеров «Сингапурских авиалиний» Тео Чен Киа спёр 35 млн. дол., систематически фальсифицируя ин-войсы. Для сравнения — самый крупный за последнее время случай коррупции (министр, отвечавший за воду, предоставлял за взятки информацию при проведении тендеров), навзяточничал всего на 7 млн. дол.

То, что в Сингапуре нет коррупции, не значит, что в Сингапуре нет личных отношений. Наоборот — они составляют основу общества. Сингапур — это очень закрытая и высокоэффективная азиатская корпорация. В конце концов, лучшим примером такой закрытости и преемственности является сам Ли Куан Ю, который назначил своим преемником своего сына, а сам занял должность «министра-ментора».

Недавно в Сингапуре был скандал: одного из парламентариев *PAR* уличили в том, что он трудится на 64-х разных постах. Однако парламентария было легко оправдать: он тут же отчитался, что большинство этих постов — совершенно бесплатные. В сингапурской политике очень высок удельный вес личных связей, но благодаря беспощадной борьбе с коррупцией эти связи не монетизируются, и поэтому работают на благо государства, а не на вред.

Сейчас почти вся Азия пытается повторить пример Сингапура. Но все эти страны изрядно коррумпированы. И в результате все деньги в них идут через Сингапур — потому что только Сингапуру доверяют, и все деньги, которые заработали чиновники и бизнесмены, включая деньги Китая, уходят в Сингапур, опять-таки потому что Сингапуру доверяют. К примеру, когда Малайзия попыталась создать порты, которые заменят порт Сингапура, то благодаря коррупции и неэффективности у нее просто ничего не вышло.

Оппозиция

Ли Куан Ю трудно назвать демократом и невозможно назвать диктатором. Он реально побеждал на выборах, потому что он обеспечил нации за время своего правления 30-кратный рост благосостояния. С такими результатами не могли потягаться самые отморозенные демагоги.

Но с оппозицией и СМИ Ли Куан Ю боролся весьма жестко. Он закрывал газеты или ограничивал тираж тех СМИ, которые, как ему казалось, неправильно освещали ситуацию в Сингапуре. При этом Ли Куан Ю никогда не прятался за спорами «хозяйствующих субъектов».

Когда, например, в 1971 году власти закрыли выходящую на китайском газету «Наньян Сан По» и арестовали без суда четырех ее руководителей, они без обвиняков заявили, что газета «превозносит коммунизм» и «поощряет китайский шовинизм», изображая «власти в качестве угнетателей китайской культуры и языка».

Ли Куан Ю посадил или разорил многих оппозиционеров: прежде всего за клевету. Сейчас президент Грузии Саакашвили говорит, что он хочет построить «второй Сингапур». Должна сказать, что в первом Сингапуре такие персонажи, как Нино Бурджанадзе, Леван Гачечиладзе или Эроси Кицмаришвили сели бы немедленно.

Сингапур — это хороший пример того, что в политической жизни всё взаимосвязано. Как в двойной цепочке ДНК напротив аденина всегда будет стоять тимин, а напротив гуанина — цитозин, так нищее государство, беспощадно борющееся с коррупцией, преступностью и терроризмом, никогда не сможет сделать это с помощью суда присяжных. Нищее государство, в котором правительство пытается сделать народ собственником, никогда не сможет позволить для СМИ той свободы в высказываниях, которая позволит оппозиционным партиям уничтожить само основание этого государства. Сейчас Сингапур стал значительно либеральней. На недавних выборах оппозиция получила дополнительных четыре места в парламенте и получила бы даже больше, если бы не весьма специфическая избирательная реформа, о которой ниже. Но ответ заключается в том, что оппозиция больше не опасна. Это не коммунисты, которые хотят отменить сами основы государства-корпорации. Это просто миноритарии, которые тоже хотят защитить права акционеров. И акционеры-избиратели с удовольствием голосуют за них, при условии, что прежний, столь успешный менеджмент, сохранит контрольный пакет.

Исламский терроризм

Межконфессиональный мир в многонациональном Сингапуре возник отнюдь не сам собой. Это продукт такой же кропотливой государственной прополки, как зелень и чистота на улицах Сингапура.

В Сингапуре есть значительное мусульманское меньшинство, прежде всего малайцы; меньшинство это менее успешно, а такая ситуация обыкновенно ведет к зависти, представляющей лучшую питательную среду для экстремизма. История Сингапура в 50-х и 60-х была омрачена расовыми и религиозными беспорядками, типичными для нищей страны. Соседи Сингапура все более и более исламизируются, исламский фанатизм в Малайзии и Индонезии становится такой же политической реальностью, как маоистские фанатики в 60-х.

Почему же в самом Сингапуре не было 11 сентября?

Ответ заключается в том, что 11 сентября в Сингапуре было предотвращено. Вскоре после 11 сентября «Джамаа Исламия» планировала в Сингапуре громкий теракт — она собиралась взорвать 7 посольств, потратив на каждое по 2 тонны взрывчатки.

Теракт был предотвращен очень просто: один из мусульман Сингапура донес на мусульманина по имени Аслан, что он, мол, ходит в мечеть, но молится отдельно от всех. За Асланом стали следить. Когда он поехал в Афганистан, его поймали. После того как его поймали, спецслужбы стали слушать его контакты. Их удивило, что друзья Аслана решили заняться импортом удобрений. А именно — импортировали в промышленных количествах нитрат аммония, стандартное сырье для приготовления самодельной взрывчатки. Их взяли: выяснилось, что ребята собирались взорвать 7 посольств.

Этот теракт был предотвращен не случайно. Он был предотвращен именно благодаря тому, что в Сингапуре государство кропотливо контролирует политические и религиозные мутации на первичном уровне. В Сингапуре нет такого, как в Европе, когда радикальные проповедники в мечетях призывают людей к джихаду и превращают мечети в пункты вербовки, а государство потом разводит руками: «ну это же свобода слова». В результате любой исламский террорист в Сингапуре является маргиналом, и на этого маргинала, как правило, доносит коллектив.

Расовые и религиозные беспорядки в Сингапуре маловероятны еще и потому, что для беспорядков нужны гетто. В Европе кварталы и целые пригороды, где добровольно кучкуются представители одной расы или национальности, и куда боятся заходить местные полицейские, стали привычной частью социального пейзажа.

В Сингапуре образование таких гетто просто-напросто запрещено законом. В любом квартале города не может жить больше 25 % малайцев и больше 13 % индусов. (Закон этот часто влечет финансовые потери: допустим, человек хочет продать квартиру, самые богатые всё равно китайцы, а китайская квота уже выбрана, и он не может продать китайцу).

А вслед за этим был принят другой закон — о том, что вместо одного кандидата, баллотирующегося от одного избирательного округа, есть 3-4 кандидата, баллотирующиеся в сумме от 3—4 округов. Потому что в противном случае во всех округах побеждали бы китайцы. Как следствие, в Сингапуре китайский шовинист не изберётся в парламент, потому что он сразу теряет 25-30% голосов.

Этот замечательный закон о расовом равенстве имел еще одно, менее публичное последствие: он сделал невозможным победу оппозиции. Потому что для того, чтобы оппозиция победила, ей надо найти не одного кандидата на один округ, а четырех — на четыре. Да еще один из них должен быть малаец, а дельных малайцев немного, а какие есть — те идут в правительство. - И кто же будет голосовать за четырех клоунов, если рядом — четыре серьезных человека, из которых, как правило, один министр?

City/state/corporation

Есть страны пятизвездочные, например Франция. А есть семизвездочные — это Сингапур.

Во всех мировых рейтингах Сингапур неизменно входит в тройку лидеров по уровню образования, медицинских услуг, качеству жизни, отсутствию коррупции и глобализации экономики.

При этом с неизменным постоянством мы видим две вещи. Первое: это богатство имеет широчайшую социальную базу. В Сингапуре богат не 1 %

населения, не 2 % — по гамбургскому счету богаты все. Нищие и неблагополучные кварталы есть в любом Париже и Чикаго — но их нет в Сингапуре.

Второе: эта страна наплевала на все политкорректные максимы, которые считаются общим местом в Европе. В Сингапуре нет пособий по безработице; нет минимальной заработной платы. По мере старения населения пенсионный возраст был повышен в нем без особых дебатов с 55 до 62 лет. Сингапур платит своим чиновникам огромные деньги и не играет в политкорректную демагогическую игру: «мы слуги народа, поэтому мы получаем гроши».

Сингапур и не думает подписывать бюрократическое фуфло под названием Киотский протокол, но в нем напротив третьего в мире нефтехимического комплекса устроен птичий заповедник, а весь город является природным парком.

Сингапуром правит бюрократия, но это очень странная бюрократия, принципиально отличающаяся от европейской. Европейская бюрократия всё время вмешивается в экономику. Она обкладывает тех, кто трудится, непомерными налогами, предоставляет потомственным алкоголикам и наркоманам защиту и преимущества, и регулирует всё, что угодно — от выбросов CO₂ до величины огурцов.

Сингапурская бюрократия никогда не вмешивается в экономику, но очень часто вмешивается в частную жизнь граждан

Сингапур дважды менял свою политику в отношении рождаемости (сначала ограничивал, а потом поощрял), Ли Куан Ю объявлял кампании, которые в Европе были бы заклеены как политнекорректные (он поощрял мужчин брать образованных (читай — китайских) женщин замуж, он объявил кампанию по повышению уровня образования среди отстающих малайцев).

После кризиса 2008 г. Сингапур фактически уничтожил рынок жилья: сейчас каждый, кто купит частное жилье и продаст его на следующий год, вынужден будет уплатить 16% от стоимости продажи, а каждый, кто продаст государственное жильё и купит себе новое, уплатит 24 % налога со старого дома. Иначе в крошечном Сингапуре, в котором покупают себе жильё все миллионеры Китая и Юго-Восточной Азии, цены бы взлетели до небес.

В Сингапуре очень сильные ограничения на покупку машин. Как только государство увеличивает свою дорожную сеть, оно увеличивает квоту машин, которых могут иметь сингапурцы, и продает на аукционе *certificate of entitlement* — разрешение купить машину. *COE* может стоить дороже машины, а выдается на 10 лет, поэтому все машины в Сингапуре — с иголки. Однако Сингапур сейчас настолько богат, что **несмотря на прекрасно развитый общественный транспорт** и астрономические цены на машины (вместе с *COE* она легко может стоить до 200 тыс. дол., а пятикомнатное жильё в некоторых районах можно купить по 300 тыс.), в Сингапуре на 5 млн. жителей, из которых 3 млн. граждан, приходится почти 1 млн. машин.

Это очень важный момент. В социалистической Европе бюрократия делает вид, что заботится о народе. Она говорит о свободе выборов и свободе слова. Но и то и другое почему-то неизменно приводит к увеличению

бюрократических полномочий и количества тех, кто нуждается в помощи государства.

В авторитарном Сингапуре бюрократия заботится о бизнесе и о будущем. В результате нищих в Сингапуре нет, а уровень государственных расходов в ВВП — 20 % — оказывается вдвое меньше, чем в Европе.

Китай

Главной причиной фантастически быстрого развития Сингапура при Ли Куан Ю, как и Пруссии при Фридрихе Великом, был вопрос физического выживания страны, как перед лицом Малайзии и Индонезии так и перед лицом диверсионно-пропагандистской машины китайских коммунистов.

И вот прошло 20 лет, и в 1978 г., после смерти Мао Дэн Сяопин приехал в Сингапур. Он не мог приехать в Гонконг, это была британская колония, он не мог приехать на Тайвань, это был враг. Он приехал в Сингапур. И его реакция была очень простая: мы же тоже так можем! Именно после возвращения Дэн Сяопина из Сингапура в Китае начались реформы, которые, по сути, являются адаптацией принципов Ли Куан Ю к управлению огромным территориальным государством.

Прекрасный будущий мир

Я описываю принципы устройства Сингапура так подробно по двум причинам. Первая заключается в том, что, с моей точки зрения, Сингапур, нравится нам или нет — это государство будущего. В XXI веке сингапурская модель (через Китай) будет доминировать над миром, а звезда Европы и, возможно, США закатится.

Европейская модель государства всеобщего благосостояния быстро исчерпывает себя и оказывается тупиковой ветвью социальной эволюции, неконкурентоспособной по сравнению с сингапурской моделью.

В ней есть два главных недостатка. Первое — как показал опыт, заботу о благосостоянии нельзя переложить с плеч граждан на плечи государства. Иначе избиратели вырождаются в попрошайки, а государство — в неэффективную и коррумпированную бюрократию.

Этот недостаток уже вполне очевиден, и о нем громко говорят и в Европе, и в США. Но есть недостаток второй, о котором не говорит никто, который является самым основанием нынешнего Запада и осознавать который лично мне, как журналисту и писателю, крайне неприятно,

Этот недостаток заключается в том, что, как показал опыт, *заботу об идеологии нельзя переложить с плеч государства на плечи граждан*. Свобода махать кулаками ограничена расстоянием до чужого носа. Свобода слова тоже не может быть безграничной.

Я не оспариваю право журналистов изобличать коррупцию. Я имею в виду другое, — что именно благодаря лозунгу «свобода прессы есть *sine Qua pop*, читатель сам разберётся, весь XX век стал веком постепенной капитуляции Запада перед маргинальными поначалу идеологиями, навязываемыми большинству агрессивным меньшинством.

Сначала он привел к капитуляции перед социалистической идеологией, а теперь ведет к капитуляции перед воинствующим исламом. Некоторые идеологии надо запрещать, как запрещают наркотики.

Ли Куан Ю никогда не смог бы заставить свою нацию говорить по-английски и никогда не увеличил бы доходы сингапурцев в 40 раз, если бы газеты типа «Наньян Сан По» смешивали его с грязью, как национал-предателя, продавшего китайцев в рабство транснациональным корпорациям и уничтожающего их культуру.

Будущее России

Вторая причина, по которой я пишу этот текст, — это будущее России. Рано или поздно, если Россия хочет выжить, нам придется проводить реформы.

Какие это будут реформы?

Программа нынешней демократической оппозиции поражает крайним инфантилизмом. В целом она сводится к тому, что надо провести честные выборы и от честных выборов все болячки рассосутся сами собой.

Спросишь их, что надо делать на Кавказе, и получишь ответ, что главной проблемой Кавказа является то, что кровавый режим убивает там невинных людей бс.ч суда и следствия, и как только в Россию вернется демократия, так Кавказ станет мирным сам собой.

Ответ: не станет. Главной проблемой Кавказа являются не бессудные казни, а воинствующие фундаменталисты, которые хотят построить там царство Аллаха. В условиях демократии и мягких законов фундаменталисты начнут размножаться, как кишечная палочка в чашке Петри.

Спросишь, как бороться с бандитами в погонах и без, получишь ответ, что нужны суды присяжных. Глупость: каждый такой процесс будет длиться по десять лет, будет стоить безумных денег, присяжных купят или запугают, бандит выйдет на свободу. Рак не лечат аспирином, а тотально мафиозное общество — судами присяжных.

Если демократическая оппозиция собирается осуществить реформы, которые позволят малоимущему большинству стать собственниками и налогоплательщиками, то как эти реформы уживутся со свободой слова, кричащего на всех перекрестках, что жестокие власти малоимущих обижают и заставляют работать, вместо того, чтобы дать им всё даром? А если оппозиция налогоплательщиков и собственников создавать не собирается, то кончит она также, как Путин.

На самом деле сингапурская, а теперь и китайская модель не так уж нова. Эта новая модель — хорошо забытое старое. Именно так — избиратель, являющийся собственником, но не халевщиком, и государство, обеспечивающее безопасность, но не социальные блага, — были устроены и Великобритания в XVIII веке, и США в XIX. Эта модель разрушилась, прежде всего благодаря наркотику социализма и наркотику бюрократии. Запад ушел на Восток.

На Востоке встает новое солнце.